

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:  
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».  
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

**Караганов Сергей** (Россия) – председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.

### **НОВАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ**

Я изложу свои собственные взгляды, которые во многом будут основаны на той работе, которую проводил Совет по внешней и оборонной политике в течение последних месяцев и которая закончилась тем, что мы два месяца тому назад опубликовали книгу «Стратегия для России: повестка дня для Президента–2000», в которой была и внешнеполитическая часть.

Эта внешнеполитическая часть, как и все документы Совета, была выработана в течение длинного ряда дискуссий и довольно серьезно модифицировалась. Последняя большая дискуссия, где участвовало около 130 человек, представителей различных групп российской политической элиты, состоялась в марте 2000 года, а в апреле уже вышла книга. Я предложу свое видение, которое у меня сложилось, как у руководителя рабочей группы по подготовке этого раздела книги. Но другие члены Совета могут согласиться или не согласиться. Мы – свободная организация.

Первое и главное, к чему мы призываем российскую политическую элиту, – это к пересмотру картины внешнего мира и тех вызовов, которые этот внешний мир нам представляет. И второе – к пересмотру своей собственной роли и своей собственной политики на протяжении последних десять лет. Очень коротко остановлюсь для начала на этих двух вопросах.

Внешний мир очень существенно изменился за последние 10–15 лет, что не воспринято, как мне кажется, ни российской, ни, может быть, даже в значительной степени, судя по нашей дискуссии, латвийской элитой. Что изменилось?

Процессы глобализации вышли на совершенно другой уровень, и выяснилось, насколько вы знаете, что значительная часть мирового ВВП и растущая его часть производится не в собственной сфере производства, а в сфере интеллекта. Вы знаете, что даже после серии недавних биржевых крахов индекса НАСДАК, пятью крупнейшими компаниями в мире остаются те, которые не производят ни автомобили, ни нефть, ни газ. Это компании, которые производят только интеллектуальный продукт. И главная проблема для России, с моей точки зрения и с нашей точки зрения, то, что мы выпадаем из этой интеллектуальной, уже даже пост– научно–технической революции.

Вторая проблема состоит в том, что по своему мышлению и мы, а, может быть, и вы, находимся как бы еще в предыдущем периоде истории, когда мы боремся с фантомами, говорим, что нужно наращивать отечественное производство или наращивать экспорт товаров, хотя понятно, что это уже не решение. А решение лежит в наращивании и сохранении человеческого капитала.

И это важнейший вызов, который стоит перед Россией, потому что Россия в своих отношениях с внешним миром, и это, мне кажется, в известной мере и ваша проблема, хотя я не готов говорить за Латвию, находится еще в прошлой эпохе. Мы боремся за свою безопасность, боремся против расширения НАТО, против США, боремся против однополярного мира и боимся говорить о вызовах. А между тем, как бы весь центр мирового развития смещается в иную плоскость. А мы отстаем и уже отстаем ментально. Это крупнейший, на мой взгляд, вызов российской внешней политике, российской элите.

Второй крупнейший вызов лежит в том, что очень серьезно изменилась и изменяется угроза безопасности. Это мы опять же в значительной степени заиклены на том, что занимаемся вопросами ядерной безопасности, тратим время на борьбу с расширением НАТО на восток. Хотя это не только наши проблемы. Однако совершенно очевидно, что основные вызовы безопасности России находятся, во-первых, внутри, – это отставание, прогрессирующее отставание от внешнего мира. Во-вторых, это то, что, в конце концов, начинает подниматься и в военно–политическом, и в ином отношении – Азия.

Если раньше мы при этом говорили только об исламской угрозе, то теперь этим ограничиться нельзя. Началось реальное распространение ядерного оружия. Самое ужасное не только факт его распространения, но и то, что мир, традиционный западный

мир, и тот, к которому в военно–политическом отношении мы принадлежим, ничего не сделал – он капитулировал. Теперь через 5–10 лет можно ждать продолжения процесса распространения ядерного оружия. И это будет, конечно, никакая не Северная Корея, поскольку это является чистой уловкой, это будут нормальные, крепкие государства. А нормальные, крепкие государства, какими бы они ни были, как мы уже выяснили, могут спокойно распространять ядерное оружие.

Морально–политический и экономический подъем Азии уже сейчас выражается в том, что азиатские страны чувствуют себя гораздо более уверенными и будут все в большей степени бросать вызов атлантическому и американскому доминированию в мире. Это, может быть, и хорошо, с точки зрения отхода от теории однополярного мира или поддержания баланса сил. Но это означает, что мир, в который мы вступаем, будет гораздо более нестабильным, чем он является сейчас. Мы к этому и интеллектуально, и политически, и даже военно–политически не готовы. Это второй крупнейший, как мне кажется, вызов для России.

Часть этого вызова заключается еще и в том, что Китай, быстро развивающийся и чувствующий себя все более уверенно, особенно после чудовищного югославского кризиса, ускорил свое ядерное вооружение и через 10–15 лет станет первоклассной ядерной державой. Помешать ему крайне сложно.

Таким образом, мы находимся в очень динамичном и в достаточной мере небезопасном мире. Но я повторяю, что мы не знаем до сих пор как отвечать на эти угрозы. При этом изменился и Запад. И, мне кажется, мы это не очень хорошо понимаем. Во-первых, меняется характер западной демократии для России и, возможно, в какой–то мере и для вас.

Может встать вопрос, а к чему мы, собственно говоря, стремимся? Мы, наверное, как и вы, стремимся к тому, чтобы стать демократическим процветающим государством. Но ведь демократия на Западе, по–моему, идет на убыль. И связано это не с тем, что там нарушаются демократические свободы, подавляется свобода прессы или прекращают работу парламенты. Это связано с гораздо более глубинными тенденциями мирового развития.

Самое очевидное то, что в связи с информационной революцией, изменением менталитета людей падает роль традиционных политических партий, политические системы перенастраиваются на реагирование на немедленные события, что не отвечает долгосрочным интересам государств. А это означает, фактически, что народы и даже политические классы теряют контроль над своей собственной политикой.

Еще более глубинная тенденция, которая проявляется в мире, состоит в том, что государства вообще относительно слабеют. И все большая часть ВВП, все большая часть информационных потоков, наконец, самой жизни людей выходят из под непосредственного контроля и влияния государства. Это связано все с теми же процессами глобализации. Но ведь государство в современном мире является единственным институтом, способным реально отвечать на те импульсы, которые исходят от населения. То есть демократия, это в той или иной степени влияние общества на государство, но, когда государство теряет возможность обратного воздействия на общество и на среду, в котором это общество живет, то и общество теряет возможность, определять свое собственное будущее.

Таким образом, демократия подтачивается совершенно с другой неожиданной для нас стороны. Это очень важный и очень быстро развивающийся и практически не отслеживаемый до сих пор процесс. Мы вступаем в демократическое общество, к которому привыкли по учебникам, а ведь это общество, может оказаться совершенно другим. Наконец, существует еще одна крупная проблема. Это трансформация Запада и трансформация его менталитета. Понимаете, ведь что больше всего меня и многих моих коллег насторожило в ударе НАТО по Югославии?

Что впервые со времен крестовых походов вооруженная группировка европейских государств осуществила идеологический поход. Это существенное очень крупное изменение. Если эта ситуация не будет повернута вспять, то мы будем иметь дело и с другой НАТО, и с другой Европой. Второе. Я не хочу сейчас вникать в суть проблемы войны НАТО против Югославии, но одно из самых неприятных последствий или проявлений этой войны была та легкость, с которой удавалось подвергать манипулированию мировое общественное. Ведь мы знаем, что все или почти все, что говорилось, было неправдой. И, тем не менее, в это верили.

И третье. Что-то очень существенно меняется в культуре той Европы, к которой мы стремимся и которой мы частично принадлежим – кто в большей, а кто и в меньшей степени. Впервые брошен открытый вызов традиции, которая в европейской юридической культуре, в европейской культуре вообще, казалась незыблемой – это уважение к суверенитету и территориальной целостности государства. Более того – был нанесен удар и велась война. Теперь эта тенденция продолжается, потому что, фактически, дело идет к медленной аннексии Косово.

Это что-то меняет. Что, до конца я сказать не могу. Возможно, мои тревожные ощущения чрезмерны, но, тем не менее, совершенно ясно, что мы – это еще одно дополнение к тому насколько непредсказуем этот новый мир. Что в этой ситуации делать России?

Прежде всего, Россия и российская элита должны, видимо, реально оценить свои возможности, которые очень невелики, и свои интересы. Главный интерес российской политической элиты, видимо, – возрождение страны и связанная с ним интеграция России в новую мировую экономику и в новое информационное пространство. Без этого возрождение уже сейчас невозможно, потому что никакое наращивание внутреннего рынка или производства не дает реальных потенциалов роста. Это первое.

Второе. Российская политическая элита должна понять, что именно она, то есть те люди, которые, в том числе, присутствуют здесь, нанесла своей стране огромный ущерб. Страна с достоинством и с честью вышла из холодной войны, ее не проиграв, в сущности. А вот мир после холодной войны и возрождение после нее российская политическая элита проиграла. Проиграла своей безалаберностью, своим корыстолюбием, своим нежеланием организовываться, своими бессмысленными действиями. Сейчас мы должны понять, что в настоящее время наши амбиции должны быть ограничены в гораздо большей степени, чем это было пять-семь лет назад, потому что мы сами эту войну, даже не войну, а этот мир –проиграли.

И вот в этой ситуации, конечно, еще более остро должен встать вопрос о конфедерации сил и усилий на задаче национального возрождения. Что это означает? Ну, естественно, это укрепление государства в любом, в том числе и во внешнеполитическом смысле, потому что главная проблема российских реформ была в том, что они проводились при слабеющем и ослабляемом государстве. А это, собственно, говоря, – взаимоуничтожающие противоречия. И никакие целенаправленные реформы не могут проходить при слабеющей инструментарию проведения этих реформ. Но это, как бы, необходимые условия. А вот дальше нужно, видимо, ограничить свои амбиции и в концептуальном, и в политическом смысле.

До сих пор большая часть российской политической элиты, включая, наверное, большинство присутствующих здесь моих товарищей и друзей, проповедуют, или проповедовало до недавнего времени, идею многополярного мира. И вообще, все ее поддерживают: и французы, и немцы, и, особенно, китайцы. Но нужна ли эта концепция России, вот о чем надо подумать. Мы предлагаем от нее отказаться. Почему? Потому что эта концепция ставит Россию в положение глобальной державы, которая представляет собой как бы однополюсную тенденцию развития.

Во-первых, это автоматически ставит Россию в конфронтацию с США, которая нам совершенно не нужна, если мы хотим концентрироваться на национальное возрождение. Во-вторых, ставит Россию в положение союзника Китая в ситуации, когда мы не можем принять политику Пекина. В-третьих, просто отвлекает от цели национального развития.

Поэтому мы предлагаем более скромную концепцию, мы называем ее концепцией ограниченной вовлеченности, которая предполагает несколько простых вещей. Первое. Отстаивание очень узкой группы, но действительно жизненно важных интересов, а не обозначение огромного количества глобальных интересов, которые невозможно реализовать, что потребует последующего отступления с каждой позиции. Надо определить эти интересы.

Второе – это безусловная экономизация политики за счет отхода, по возможности, от чрезмерной концентрации на вопросах традиционной безопасности. У нас есть 10–15 лет и достаточно ядерного оружия, для того, чтобы не беспокоиться о непосредственной угрозе безопасности России. Вот дальше это станет проблемой. Эта проблема встанет в любом случае, если Россия не сможет подняться экономически.

Условно говоря, это означает, что, если у России в Европе стоит выбор, – НАТО или ЕС – то можно, конечно, тратить огромное количество времени на то, чтобы

договариваться, координироваться или ругаться с НАТО. Однако наша новая философия, которую мы хотим продвигать в российскую политическую элиту и которая находит определенное понимание, заключается в том, что на НАТО нужно по возможности меньше обращать внимание, поскольку она не приносит ничего в смысле экономики, а только оттягивает интеллектуальные, политические и другие ресурсы. А концентрироваться необходимо на развитии отношений с Европейским союзом, так как ЕС – это технологии, это капитал, это интеллектуальные ресурсы, это, в конце концов, будущее НАТО.

Я самыми общими контурами обрисовал такого рода новую философию. И надо сказать, пока то, что делается, а не то, что говорится, новым руководством, вызывает у меня удовлетворение. Конечно, начнем с того, что наш новый президент сделал достаточно много позитивных шагов, чтобы не втянуть себя, а значит и Россию, в новую конфронтацию. Он не стал конфликтовать с НАТО, а сказал, что мы, в принципе, можем с ней конструктивно взаимодействовать, хотя это было прокомментировано, будто Россия собирается вступить в НАТО. По-моему, он этого не сказал, если читать внимательно. Он не стал концентрироваться на разногласиях по поводу Договора по противоракетной обороне, а сказал, что давайте лучше построим, вернее, попытаемся построить совместную противоракетную оборону. Все знают, что совместная ПРО невозможна, или, скорее всего, невозможна, хотя некоторые элементы ее можно строить и совместно. Но, таким образом, был обойден еще один источник конфронтации, одновременно он достаточно конструктивно себя ведет в отношении и европейских стран, и близлежащих государств – Беларуси и Украины. То есть корректно, по-деловому, мы концентрируемся прежде всего на экономических вопросах, а не на вопросах большой политики или престижа. Это внушает доверие.

Что это означает с точки зрения наших отношений с Балтией? Это хорошие новости и плохие. Хорошие – для тех, кто хочет предсказуемой России. Плохие – для тех, кто хочет за счет России жить и в политическом, и в экономическом смысле. Это то, что важно для российско-латвийских отношений. Но мне кажется, что Россия сейчас в целом входит в свой размер крупнейшей евроазиатской державы с европейским, естественно, культурным наследием. Она все-таки все больше и все легче отказывается от роли глобальной державы.

Категорически не соглашусь с Алексеем Георгиевичем Арбатовым, с которым я очень редко категорически не соглашаюсь. В России за последние годы произошла удивительная, и для меня в том числе, трансформация менталитета политической элиты, которая свелась к тому, что фактически страны бывшего СССР теперь не рассматриваются как страны приоритетного сближения или объединения. Здесь наступает время очень холодных, спокойных отношений. Происходит концентрация не на отношениях с СНГ в целом, а на двусторонних отношениях со странами-членами Содружества. Это, тем более, приятно, что Совет по внешней и оборонной политике лет пять тому назад призвал Россию отказаться от химер СНГ, сохраняя, естественно, эту структуру как полезную, в той мере, в которой она является полезной, и сконцентрироваться на двусторонних отношениях. Это нам гораздо выгоднее. Это сейчас и происходит.

Теперь не нужно никому доказывать, как это было два-три года тому назад, что мы не хотим объединяться с Украиной. Другое дело, что мы вынуждены взаимодействовать в области безопасности, против угрозы нестабильности на юге. Но, тем не менее, как раз Россия очень быстро преодолела, или частично преодолела, в себе этот синдром разделенной нации. И надо сказать, что это глубоко позитивно.

И еще я бы хотел немножко поспорить, хотя не готов не соглашаться с Алексеем Георгиевичем, по поводу оценки войны в Чечне. Война в Чечне, и война тяжелая, я думаю, что она случилась бы даже и без Югославии. Просто мы так бы решительно не пошли, если бы не было Югославии. Но мне кажется, что война в Чечне сыграла не только негативную роль для российского общества, но и позитивную. Все-таки в прошлом году в России в значительной степени преваляло державное мышление. Нам не хватало, пожалуй, только одного признака – не было массовой национал-социалистической партии, слава Богу.

Затем последовало внешнеполитическое унижение, разорение правящего класса, серия внешнеполитических неудач, и, наконец, унижение своим собственным руководством и, вообще, пришло чувство стыда за собственную страну. Может быть, эта та дорогая цена, которую мы заплатили? Но сейчас этот веймарский синдром, по-

моему, уходит, и в этой ситуации Россия становится более предсказуемой, более спокойной страной. А чеченские вопросы все равно пришлось бы решать.

Но что удивительно в отношении с Чечней, до сих пор, несмотря на огромные потери и на то, что информационно элита и население получают представление о том, что там творится, тем не менее, поддержка войны продолжается. Это значит, что страна, видимо, дошла до такого предела, дальше которого общество отступить не могло.

Таким образом, Россия, скорее всего, конечно, не пойдет по тому идеальному глобалистически интеграционному пути, который предлагаю я, но, видимо, и в российской политической элите, и в российской политике наметилось и будет осуществляться дальнейшее смещение от геополитики к геоэкономике, от концентрации на военные стратегии к концентрации на экономические стратегии, от концентрации на внешней политике к концентрации на национальное возрождение. Мне кажется, что это хорошие новости и для России, и для ее соседей.